

Научная статья

УДК 341.9

DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(2).207-215

EDN PEYITM

Методология исследований правовых систем (антрополого-правовые аспекты)

Анна Тимофеевна Тумурова

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
annatumurov789@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1170-5730>

АННОТАЦИЯ

В статье констатируется факт нерешенности ряда методологических проблем в исследованиях азиатских, в том числе китайской, правовых систем. С целью решения данного вопроса предлагается методологический подход, интегрирующий антропологический и исторический методы исследования происхождения, эволюции и развития правовых систем. В основе данного метода — взгляд на эволюционное развитие важнейших источников права: обычного права и закона. Первый из них формирует частное право, второй — публичное. Эти источники находятся в постоянной конкурентной борьбе, отражающей соотношение гражданского общества и государства. Цивилизационное развитие вырабатывает в каждой стране собственный механизм разрешения конкуренции правовых норм. К таким механизмам относятся кодификация, прецедентное право, религиозные тексты, конституция и т.д. Относительная самостоятельность частного и публичного права обеспечивается автономными судебными системами: обычно-правовыми или мировыми судами, административными судами. Система верховного суда выполняла общую для обеих судебных систем апелляционную функцию. Таким образом, важнейшим элементом правовой системы, кроме источников права, является судебная система в единстве обычно-правовых или мировых судов, административных и верховного суда.

О таком развитии свидетельствуют антропологические и исторические данные, относящиеся как к европейским, так и к азиатским правовым системам. Например, институт кровной мести, общий в древности для всех формирующихся цивилизаций, был ограничен, а затем запрещен государством. Последовательное рассмотрение переходных правовых институтов выявляет общие закономерности формирования правовых систем.

Автор делает вывод, что, несмотря на цивилизационно-отличные признаки, право в единстве публичного и частного остается основой человеческого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

генезис права, обычное право, закон, частное право, публичное право, обычно-правовой суд, мировой суд, административный суд, суд справедливости, правовая система

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тумурова А.Т. Сравнительное правовое исследование правовых систем (вопросы методологии) / А.Т. Тумурова. — DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(2).207-215. — EDN PEYITM // Академический юридический журнал. — 2024. — Т. 25, № 2. — С. 207–215.

Original article

Methodology for researching legal systems (anthropological and legal aspects)

Anna T. Tumurova

Baikal State University, Irkutsk, Russia
annatumurov789@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1170-5730>

ABSTRACT

The article states the fact that a number of methodological problems in the study of Asian, including Chinese, legal systems have not been resolved. In order to solve this issue, a methodological approach is proposed that integrates anthropological and historical methods for studying the origin, evolution and development of legal systems. This method is based on a look at the evolutionary development of the most important sources of law — common law and the statute. The first of them forms private law, the second — public law. These sources are in constant competition, reflecting the relationship between civil society and the state. Civilizational development in each country has its own mechanism for resolving competition of legal norms. Such mechanisms include codification, case law, religious texts, constitution, etc. The relative independence

© Тумурова А.Т., 2024

of private and public law is ensured by autonomous judicial systems: customary or magistrate courts, administrative courts. The supreme court system performed an appellate function common to both judicial systems. Thus, the most important elements of the legal system, in addition to the sources of law, is the judicial system in the unity of customary or magistrate courts, administrative courts and the supreme court. This development is evidenced by anthropological and historical data relating to both European and Asian legal systems. Thus, the institution of blood feud, common in ancient times to all emerging civilizations, was limited and then prohibited by the state. Consistent consideration of transitional legal institutions reveals general patterns of formation of legal systems.

KEYWORDS

genesis of law, common law, statute, private law, public law, customary law court, magistrate court, administrative court, court of justice, legal system

FOR CITATION

Tumurova A.T. Methodology for researching legal systems (anthropological and legal aspects). *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal* = *Academic Law Journal*. 2024;25(2):207–215. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(2).207–215. EDN PEYITM.

Введение

Анализируя методологические аспекты изучения правовых систем Китая, Монголии, Японии и других стран, отмечаем две наиболее яркие определяющие черты таких исследований.

Первый аспект заключается в том, что в изучении правовой системы страны за пределами Европы используется метод акцентуации, т.е. сосредоточения на их особенностях. В каждой работе, посвященной правовой системе, например, Китая, перечисляются ее особенности [1]. В итоге консолидированное резюме представляет такое описание правовой системы, которое воспринимается как полное отсутствие каких-либо общих черт с европейскими и другими системами. Такой подход не только не способствует взаимопониманию, но и выступает своего рода технологией установления искусственных преград в международном сотрудничестве, более соответствует политике конкуренции, конфронтации.

Второй аспект является контраргументом первому. Отметим, что в самих европейских правовых системах этих особенностей еще больше, чем в китайской, но им принято придавать значение, изначально присущее настоящему праву.

Сосредоточение на тех признаках, которые являются общими для всех правовых систем, видится наиболее эффективной стратегией в сравнительном правоведении. Попытаемся показать и аргументировать с позиций антропологии права подход, который может на основе интеграции с историческим методом содействовать выработке общего понимания процессов формирования права и правовой системы.

Источники (форма) права в правовой системе

Важнейшим элементом правовой системы принято считать систему правовых источников или форму права [2; 3]. Главными, присущими всем без исключения правовым системам, ис-

точниками права следует признать только два из всех известных: **закон** как волеизъявление суверенной публичной власти [4] и **обычное право**, которое является результатом общественной практики [5]. Постоянное и очень разнообразное взаимодействие равноправных людей, в которых проявляется свободная воля субъектов правоотношений, постепенно вырабатывает общеобязательную нормативную основу. Взаимодействие равноправных и свободных людей подчиняется правовому принципу справедливости — равное участие в общем деле и равная доля в получении того блага, ради которого люди вступают в такие отношения [6].

Правовые источники формируют два основных элемента правовой системы: публичное право и частное право. В любой стране правовое регулирование зиждется на этих двух китах, двух столпах нормативной системы. Составные части функционируют, проявляя собственные специфические регулятивные качества. Соотношение частного и публичного права отражает соотношение гражданского общества и государства.

Право есть совокупность правил, которые действуют как частное и публичное право. С незапамятных времен они существуют как два важнейших правовых феномена, но между ними происходит постоянная и местами бескомпромиссная борьба. В некоторых случаях побеждает закон, тогда обычное право признается источником пережитков и определенных опасностей для позитивного развития общества [7]. В других борьба с обычным правом носит завуалированный характер, например, подчеркивается большее влияние обычного права, но легитимным признается только писаное, т.е. позитивное, право, при этом издавать писаное право является исключительной функцией государства [8].

В других частях света обычное право и сила, которая стоит за ним, не признают никаких пи-

санных законов. Население, защищая обычное право, игнорирует закон, блокирует властные указания, тем самым консервируя традиционные социальные связи, в которых видят единственно верный способ взаимодействия людей в сфере общественного порядка [9].

Первый и последний из названных путей — две крайности в правовом развитии. Многовековая история человечества выработала различные механизмы взаимодействия обычного права и закона путем разграничения сферы действия. Законы регулируют административные отношения, ограничивая свое действие публично-правовой сферой. Обычное право регулирует равноправные отношения в обществе, создавая поле частного права. Но такая договоренность существует достаточно условно. Переход этой невидимой границы осуществляется бесконечно часто: не только властители диктуют правила для подданных, в том числе в сфере частного права, но и народ время от времени пытается устанавливать свои правила в сфере государственного управления.

В мире постоянного противостояния постепенно устанавливаются в той или иной степени уникальные способы правового разрешения противоречий. К этим институциональным механизмам относится, например, конституция как своеобразный договор между государством и гражданским обществом об установлении границы, баланса интересов власти и гражданского общества. К ним также относится система прецедентного права. Статутные нормы и неписанные правила, складывающиеся в общественной практике, регулируют взаимодействие людей. В нормативной системе в случае возникновения спора о праве конкуренцию устраняют путем судебного решения, устанавливая общеобязательную норму. В континентальной Европе конкуренцию норм устраняют одной из форм систематизации законодательства — кодификацией. Решения высшего духовенства, доктринальные выводы, признающие «истинными» те или иные новеллы в правовом регулировании, которые вводятся в практику, также являются механизмами решения вопроса, связанного с конкуренцией правовых норм.

Суды в правовой системе

Следующий кардинальный вывод из вышесказанного — публичное и частное право имеют свои самостоятельные системы судебного обеспечения. Вот почему одни суды по своей природе государственные, а другие — общественные. Это и разнообразные третейские суды,

арбитражные, коммерческие, и конфуцианские, и этнические, и обычно-правовые суды. Начиная с периода формирования французского абсолютизма, в XVII веке в Европе возникла устойчивая тенденция признавать только государственные суды, о причинах которой будет сказано ниже. Следовательно, тенденция была характерна для европейской цивилизации и в дальнейшем распространялась в XX веке диффузно во все правовые системы. Для целей нашего обзора важно отметить, что рассматриваемое явление характерно для относительно небольшого промежутка времени в новейшей истории. Для понимания права как всеобщего феномена важно осознавать, что правовая система в единстве правовых норм и правосудия как механизма их защиты включала в себя, кроме обычного права, систему обычно-правовых и других негосударственных судов. Публичное и частное право имели каждый свою юрисдикцию, которая определялась делением права на эти две важные составляющие части.

Обычно-правовые суды стояли на страже обычного права. Что касается сферы публично-правовой, есть некоторая смысловая целесообразность (в интересах симметрии) определить ее как административную юстицию, которая стояла на страже общеобязательности установленных государственным аппаратом законов, тем самым защищая государственные интересы.

Во всем этом следующая логика и аргументация. Если говорить, что публичное право и частное право носят относительно самостоятельный характер, то следует признать, что механизмы защиты от правонарушений в той и другой части права также обязаны быть относительно самостоятельными институтами. Однако для современной юриспруденции характерно представление о том, что отправление правосудия является исключительной прерогативой, функцией государства. В противовес указанному представлению есть необходимость доказать, что в недалеком прошлом для европейской цивилизации, а для остальных стран, живущих на основе разделения труда, — вплоть до XX века, отчетливо просматривается наличие как государственной юстиции, так и негосударственных ее форм. В европейской научной терминологии такие суды именуется самым различным образом: религиозные суды, конфуцианские суды, общественный суд, товарищеский суд, суд старейшин, суд авторитетов, арбитражный суд, третейский суд, торговые и коммерческие суды, мировые суды ... Но из всех сложившихся определений наиболее соответствующим сущности, социальному назна-

чению правовой системы является определение «обычно-правовой суд». Конкурировать с ним может только «мировой суд». И те, и другие суды имеют одну природу, различные названия акцентируют только один из аспектов, которые свойственны и тому, и другому суду. Первый из них акцентирует внимание на том, что суд (по своей природе общественный) осуществляется на правовой основе; второй видит цель в достижении мирового соглашения, т.е. договора между сторонами о прекращении конфликта из факта правонарушения. И мировой, и обычно-правовой суды действуют в сфере частного права. Никаких мировых соглашений нет и не может быть в сфере публичного права, императивного по своему характеру. Мировая между государственным служащим и частным лицом всегда рассматривается как часть коррупционных отношений.

Еще раз подчеркнем, что если такой суд мы называем обычно-правовым, то желаем обозначить то, что он стоит на страже обычного права и реализует принципы равенства сторон, свободу выражать свою волю, эквивалентность в отношениях. Использование термина «мировой суд» акцентирует внимание на том, что этот суд стремится достичь мира между сторонами в частном праве.

Другие исторические названия судов, действовавших фактически в сфере частного права, либо указывают на особенности субъекта отправления правосудия (суд старейшин, суд раввинов, суд церковный), либо места отправления правосудия (городской суд, сельский суд, портовый суд), либо этнической общности (суд бурят, чукчей, тафаларов, эвенков и т.п.), либо имеет характер социальных норм, на защиту которых направлено действие суда (конфуцианский, канонический, корпоративный). В европейской научной традиции принято считать, что конфуцианский суд предполагает отправление правосудия на основе норм морали [10]. Аналогично этому религиозный (мусульманский, иудейский и т.п.) суд реализует религиозные нормы. Однако указанная точка зрения носит весьма спорный характер. Например, любой церковный суд делит людей на тех, кто принадлежит конфессии, другими словами, принял обет, и на светских лиц. В чем различие между тем и иным субъектом, на который направлена церковная юрисдикция? В том, что в зависимости от субъекта применяются разные по своей природе процессуальные и материальные нормы. Правила отправления церковного суда и наказания, которые он реализует, формируются в зависимости от того,

на кого направлена судебная власть. Цель судебного акта зависит от типа социальных норм, реализуемых в судебной процедуре. Если лицо, привлеченное к ответственности, принадлежит конфессиональной общности, то это меры дисциплинарного характера, направленные на поддержание церковной иерархии, порядка внутри церковной общины. К светским людям будут предъявляться требования, которые исходят из принципов равенства, эквивалентности, взаимной ответственности, иными словами, отражают принцип правовой справедливости.

Разные подходы свидетельствуют о том, что принципы, лежащие в основе обычно-правового регулирования и религиозного конфессионального, имеют разную социальную природу. Религиозные суды зачастую выполняют функции, свойственные обычно-правовому суду. Этот же вывод касается характеристики других негосударственных судов, включая, например, конфуцианские [11].

Обычно-правовой суд отличается от административного следующими важнейшими чертами: во-первых, он выборный, во-вторых, действует на основе частного права, в-третьих, добровольный, в-четвертых, непрофессиональный и т.д. Именно из-за отсутствия требования к профессиональному статусу, возможно, в различных цивилизациях прибегали к фактическому авторитету в обществе. Например, в Сибири, на Дальнем Востоке повсеместно суды отправляли шаманы [12; 13]. Важной чертой обычно-правового суда является его максимальное приближение к населению, что реализует требование права доступности правосудия народу. Возможность обратиться за защитой своего нарушенного или оспариваемого права в суд не должна была зависеть от материального положения, места жительства — далеко или близко от органа правосудия он находится. Все это позволяет констатировать факт того, что право, добившись только вышеуказанным способом нерушимости прав человека, общеобязательности установленных в обществе норм, направленных на защиту интересов индивида, смогло стать универсальной, важнейшей нормативной регулятивной системой в человеческой истории.

Системные связи между частным и публичным правом предполагают системную связь обычно-правового суда и государственной системы отправления правосудия. В этом смысле в каждой стране структура, форма и содержание судебной системы носят сложный и уникальный характер. При этом связь публичного и частного не всегда очевидна.

Рождение функций государственных органов правосудия

Метод антропологии права позволяет проследить начальные формы взаимосвязи публичного и частного судопроизводства и их эволюционное развитие. Начиная с самых ранних форм социального развития, можно во всех без исключения культурах увидеть формирование института кровной мести [14]. В самых общих чертах она проявляется как специфическая реакция на причинение вреда личности (морального, физического, материального). Расправу с обидчиком без четко установленных правил принято называть кровной мстью [15]. Современные исследователи останавливают свое внимание на двух аспектах этого явления: у кровной мести есть повод — причинение вреда, чаще всего в виде убийства; желание нанести максимальный вред противной стороне [15, с. 4–6].

Однако в исследованиях по антропологии права отмечены две характерные черты (ранее незамеченные), сопутствующие этому широко распространенному в прошлом правовому институту [16]. Первая связана с тем, что данный институт получил свое институциональное воплощение только в обществе, где существует общественный договор о взаимной личной и имущественной неприкосновенности. В историко-правовой литературе часто встречается понятие «замиренная среда» [17–19]. На наш взгляд, содержанием «замирения» и выступает общественный договор о взаимной неприкосновенности. В одной из работ автора ранее отмечалось, что в древности маркером общественного договора выступали брачные отношения между представителями разных этнических групп [20]. Из сказанного следует, что причинение вреда являлось юридическим фактом, влекущим возникновение правоотношения ответственности между причинителем и потерпевшим лицом. В обществе, основанном на таком общественном договоре, содержание ответственности за причинение вреда претерпевало историческую эволюцию. Первоначально она выражалась в институте талиона (душу за душу, зуб за зуб...), впоследствии публичная экзекуция заменена повсеместно имущественным возмещением. В историческое время потерпевшему должна была быть выплачена имущественная компенсация за причиненный вред. Общественный договор устанавливал размер этой выплаты. Например, размер вергельда для германских племен в IV веке нашей эры приводил в своих анналах Тацит [21]. У монгольских племен андза выплачивалась домашними животными в размере,

например, 100 голов скота [22]. При полной выплате «вергельда» или «андзы» конфликт считался исчерпанным. Но были случаи, когда выплата была невозможна, например, при имущественной несостоятельности виновного или отказе родственников в помощи в выплате возмещения. В этом случае виновный передавался вместе с семьей в рабство потерпевшим.

Другое дело, когда сторона отказывалась возмещать вред, например, считая причинителя невиновным в смерти потерпевшего, то полагалось, чтобы виновная сторона отказалась от правового способа разрешения спора, конфликта, и потерпевшие считали себя вправе разорвать правовые отношения и перейти к кровной мести, т.е. к неправовой расправе с виновным. Таким образом, кровная месть возможна только в случае отказа от разрешения спора на условиях и правилах, которые устанавливались общественным договором.

Далее наблюдаем, что кровная месть с течением времени и осознанием неприемлемости жить во взаимной вражде и кровавых разборках повсеместно заменяется тем, что государство сначала ее ограничивает, а затем запрещает [23]. В этом всем известном тезисе интерес представляет процесс того, каким образом ограничивали, и ключевым представляется вопрос, что противопоставлено кровной мести. Поскольку социальный институт выполнял важные функции, направленные на удовлетворение социальной потребности, то возникает вопрос, какие замещающие нормы и механизмы следуют за правовым запретом? Начиная с исследований кровной мести Н.С. Таганцевым, общим является вывод о том, что первоначально значительно сужается круг родственников, имеющих право мстить за смерть, затем уголовное преследование виновного лица полностью переходит к государству [24; 25].

Однако проведенный анализ четко указывает на то, что государство, запретив кровную месть для участников социального конфликта, берет на себя функцию мщения, осуществляя расправу над субъектом, отказавшимся от правового разрешения конфликта. Таким образом, государство берет на себя функцию кары, а общество (как совокупность больших и малых семей) отказывается от ранее имевшегося при определенных условиях права на ее осуществление. В данном конкретном случае рассматриваем трансформацию ответственности за посягательство на личность, точнее, нарушение правового принципа неприкосновенности личности, которая стала гарантироваться государством.

Генезис уголовно-правовой ответственности

Антропология права позволяет проследить трансформацию ответственности за нарушение имущественной неприкосновенности субъекта права. Обратимся к архаическому римскому праву. В древний период его развития можно обнаружить систему четырехкратного возмещения [26], которая до недавнего времени была широко распространена в Азии. Если вор уличен в краже, то он должен возместить причиненный им ущерб в четырехкратном размере. Предположим, что правовой институт римского права в принципе аналогичен, например, монгольскому институту «яал» [27]. Правила, лежащие в его основе, следующие: первые два штрафа касаются возмещения материального и морального вреда потерпевшему, третий полностью идет на вознаграждение уличивших вора свидетелей, а четвертый штраф шел в пользу государства на возмещение казенных расходов [28; 29].

В монгольском праве вместе с правилом четырехкратного возмещения действует институт гонения следа, согласно которому в случае, если виновный в краже не обнаружен, не уличен, то прибегали к коллективному возмещению. Лица, попавшие под подозрение и не предъявившие алиби, коллективно выплачивали штраф в размере полного материального возмещения утраченного имущества, однако без компенсации морального вреда.

Что необходимо иметь в виду при рассмотрении более широкого вопроса об участии государства в реализации ответственности за причинение вреда личности? В первой части мы констатировали переход к государству исключительно функции уголовной кары за отказ от правового разрешения социального конфликта, вызванного причинением вреда личности. В этом же русле в частном праве причинение вреда имущественному положению субъекта права требовало его материального возмещения. В случае отказа от возмещения спор передавался на рассмотрение государства. Неслучайно для государственной юрисдикции в римском праве требовалось обращение с официальным заявлением, т.е. при свидетелях, в более позднюю эпоху — с письменным волеизъявлением потерпевшего [30].

Иначе обстояло дело с тайным похищением чужого имущества. С самых ранних времен кража рассматривалась как правонарушение, сопряженное с отказом от возмещения, т.е. по природе это уголовное деяние. Следовательно, четырехкратное возмещение следует рассматривать как уголовное наказание или, по крайней мере, его

переходную форму. Это связано, как мы считаем, с проблемой отказа от возмещения, с одной стороны, с фактами повторного посягательства на чужое имущество, — с другой. Как и в случаях ответственности за посягательства на личность, за повторное хищение чужого имущества наступает так называемое «поражение в правах».

Самое важное заключается в выводе о том, что уголовное наказание — кара за преступление: совершение правонарушения, причинение вреда и отказ от его материального возмещения. Другими словами, преступление является юридическим фактом, влекущим правоотношения между преступником и его жертвой, содержанием которого выступает его юридическая обязанность полного возмещения причиненного вреда. Отказ от выплаты можно рассматривать как юридический состав, влекущий уголовную ответственность. Государство в данном случае уже реализует юридическую кару. В таком случае уголовное наказание имеет целью оградить общество от субъекта преступления (виновного в умышленном или неосторожном причинении вреда и отказавшегося от правовых способов разрешения конфликта); в результате субъект отвечает перед государством, которое должно решить его судьбу — или отправить на каторгу, или посадить в тюрьму, или поставить клеймо, или отрубить руку или голову и т.п. Такую картину в средневековой истории права считаем характерной для любой государственности.

Возмещение заменяется принципиально иным видом уголовного наказания — тюремным заключением. Это происходит только тогда, когда появляется пролетариат — социальная группа, не имеющая собственности, живущая продажей своего труда. То есть в достаточно недалеком прошлом, в период начала капиталистического развития. Г. Берман, один из известных историков европейского права, в своей книге о западных традициях права утверждает, что вергельд (возмещение) выплачивался в Европе вплоть до XIX века [31]. Социолог права М. Фуко в своей знаменитой книге «Рождение тюрьмы» на обширном историческом материале дает реалистическое описание перехода от одной уголовно-правовой парадигмы к следующей [32].

Заключение

Наше обращение к вопросу о формировании современных типов правовых систем в единстве с развитием механизмов судебной защиты не включает проблемы ответственности за правонарушения в сфере государственного управления, т.е. административного правосудия. Отметим

только, что он противопоставлялся обычно-правовому, мировому суду тем, что публично-правовые нормы устанавливались и защищались от нарушения государством. Государственный аппарат, кроме управленческих функций, выполнял и судебные функции в своей сфере, защищая интересы государства. Чаще всего административное наказание также устанавливалось в виде денежных взысканий, т.е. штрафов.

Завершая исследование, следует особо подчеркнуть, что посягательство на государственную власть влекло за собой «поражение в правах» — смертную казнь или заточение в крепостях, что можно приравнять к лишению жизни. Этот тип уголовной ответственности в истории права реализовывался по принципиально иным правилам и процедурам, чем приведенные в нашем тексте выше.

Таким образом, правовая система той или другой страны отличается особенностями функционирования как обычно-правовых судов (этнических, торговых, коммерческих, религиозных и пр.), судов административных (военных, таможенных, финансовых, банковских и пр.) и системы высших судов, апелляционных для административных судов, и судов справедливости для нарушивших правила о правовом возмещении.

В каждой стране особым образом формируются правовые системы, цивилизационно отличные своими признаками и чертами от систем других стран. Но право в единстве публичного и частного права, реализующее принципы равенства, свободы и справедливости, остается на все времена незыблемым каркасом, фундаментом, основой человеческого взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трошинский П.В. Правовая система Китайской Народной Республики: становление, развитие и характерные особенности / П.В. Трошинский // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — Москва, 2015. — С. 99–117.
2. Рене Д. Основные правовые системы современности / Д. Рене, К. Жоффре-Спинози. — Москва: Прогресс, 1988. — 496 с.
3. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кётц. — Москва: Междунар. отношения, 2021. — Т. 1. — 478 с.
4. Тихомиров Ю.А. Теория закона / Ю.А. Тихомиров. — Москва: Наука, 1982. — 258 с.
5. Добров А.С. Формирование права без законодателя: очерки по теории источников права. Ч. 1. Обычное право / А.С. Добров // Вестник гражданского права. — 2010. — № 2. — С. 184.
6. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник / В.С. Нерсисянц. — Москва: Норма; Инфра-М, 2001. — 547.
7. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. — Москва, 1911. — Вып. 1. — С. 282.
8. Харт Г. Позитивизм и разграничение права и морали / Г. Харт. — EDN JZATSN // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2005. — № 5. — С. 102–136.
9. Антонов Б.А. Об особенностях правовой системы Афганистана в период правления движения «Талибан» / Б.А. Антонов. — DOI 10.28995/2073-6304-2021-3-120-134. — EDN QFAMKX // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2021. — № 3. — С. 120–134.
10. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства: учебник / В.Г. Графский. — 3-е изд., доп. — Москва: Норма; Инфра-М, 2010. — 815 р.
11. Пан Дунмэй. Общая характеристика рассмотрения дела конфуцианским судьей / Дунмэй Пан. — DOI 10.18101/2658-4409-2024-1-5-9. — EDN JQFBZJ // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. — 2024. — № 1. — С. 5–9.
12. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие / С.А. Токарев. — Москва, 1964. — 397 с.
13. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: исследования, статьи, лекции / Л.Я. Штернберг. — Ленинград: Изд-во Института народов Севера, 1936. — 603 с.
14. Дворецкая И.А. Кровная месть у древних греков и германцев / И.А. Дворецкая, Г.Т. Залюбовина, Е.А. Шервуд. — Москва: Прометей, 1995. — 131 с.
15. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном отношении: в 2 т. / М.М. Ковалевский. — Владикавказ: Алания, 1995. — Т. 2. — 410 с.
16. Тумурова А.Т. Социально-антропологические выводы исследования генезиса института кровной мести / А.Т. Тумурова. — EDN YMPMB // Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития: материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 21–22 сент. 2012 г. / под ред. Е.Н. Салыгина, С.А. Маркунцова, Э.Л. Раднаева. — Москва, 2013. — С. 123–134.
17. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства: лекции, прочитанные в Высшей школе социальных наук в Париже / Л. Дюги. — 2-е изд. — Москва, 2015. — 152 с.

18. Гинс Г.К. Современный капитализм и предстоящая эпоха (философия солидаризма) / Г.К. Гинс // Портрет солидаризма. Идеи и люди. — Москва : Посев, 2007. — С. 101–117.
19. Ковалевский М.М. Сочинения : в 2 т. / М.М. Ковалевский. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. — Т. 1. — 287 с.
20. Тумурова А.Т. Обычное право в исследованиях М.М. Ковалевского / А.Т. Тумурова, Н.В. Илтакова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД РФ. — 2024. — № 1.
21. Тацит К. Сочинения : в 2 т. / К. Тацит. — Москва : Ладомир, 1993. — Т. 1. — 443 с.
22. Токарев С.А. Памятник обычного права бурят XVII века / С.А. Токарев // Исторический архив. — Москва; Ленинград, 1939. — Т. 2. — С. 39–50.
23. Графский В.Г. Кровная месть / В.Г. Графский // Большая российская энциклопедия / ред. Ю.С. Осипов, С.Л. Кравец. — Москва, 2010. — URL: <https://bigenc.ru/c/krovnaia-mest-952b0f>.
24. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции : в 2 т. / Н.С. Таганцев. — Санкт-Петербург, 1902. — Т. 1. — 419 с.
25. Таганцев Н.С. Смертная казнь: сб. статей / Н.С. Таганцев. — Санкт-Петербург, 1913. — 177 с.
26. Гусаков А. Деликты и договоры как источники обязательств в системе гражданского права древнего Рима. Историко-юридическое исследование / А. Гусаков. — Москва, 1896. — 234 с.
27. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Кочевой феодализм / Б.Я. Владимирцев. — Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1934. — 223 с.
28. Тумурова А.Т. Обычное право бурят: Селенгинское уложение 1775 г. / А.Т. Тумурова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. — 115 с.
29. Тумурова А.Т. Генезис обычного права бурят / А.Т. Тумурова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. — 221 р.
30. Покровский И.А. История римского права. Уголовное право и уголовный суд / И.А. Покровский. — Москва : Статут, 1999. — 538 с.
31. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Берман / пер. с англ. — 2-е изд. — Москва : Изд-во МГУ, 1998. — 622 с.
32. Фуко М. Наказывать и надзирать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2019. — 416 с.

REFERENCES

1. Troshchinskiy P.V. Legal System of the People's Republic of China: Formation, Development and Peculiarities. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, 2015, pp. 99–117. (In Russian).
2. Rene D., Joffre-Spinosi K. *Les Grands Systèmes De Droit Contemporains*. Paris, Dalloz, 1988. 734 p. (Russ. ed.: Rene D., Joffre-Spinosi K. *The Great Contemporary Sisters of Law*. Moscow, Progress Publ., 1988. 496 p.).
3. Zweigert K., Kotz H. *Introduction to Comparative Law*. Oxford, Clarendon Press, 1987. Vol. II. 456 p. (Russ. ed.: Zweigert K., Kotz H. *Introduction to Comparative Private Law*. Moscow, International relations Publ., 2021. Vol. 1. 478 p.).
4. Tihomirov Yu.A. *Law theory*. Moscow, Nauka Publ., 1982. 258 p.
5. Dobrov A.S. Formation of law without a legislator: essays on the theory of sources of law. PART 1. Customary law. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*, 2010, no. 2, pp. 184. (In Russian).
6. Nersesyanc V.S. *General theory of law and state*. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2001. 547 p.
7. Shershenevich G.F. *General theory of law*. Moscow, 1911. Iss. 1. 282 p.
8. Hart G. Positivism and the distinction between law and morality. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 2005, no. 5, pp. 102–136. (In Russian). EDN: JZATSN.
9. Antonov B.A. On the Peculiarities of Afghanistan's Legal System During the Rule of the Taliban. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = RSUH Bulletin. Economics. Management. Law*, 2021, no. 3, pp. 120–134. (In Russian). EDN: QFAMKX. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-3-120-134.
10. Grafskij V.G. *General history of law and state*. 3rd ed. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2010. 815 p.
11. Pan Dongmei. Common Features of Considering Cases by a Confucian Judge. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, 2024, no. 1, pp. 5–9. (In Russian). EDN: JQFBZJ. DOI: 10.18101/2658-4409-2024-1-5-9.
12. Tokarev S.A. *Early forms of religion and their development*. Moscow, 1964. 397 p.
13. Shternberg L.Ya. *Primitive religion in the light of ethnography: research, articles, lectures*. Leningrad, Institute of the Peoples of the North Publ., 1936. 603 p.
14. Dvoreckaya I.A., Zalyubovina G.T., Shervud E.A. *Blood feud among the ancient Greeks and Germans*. Moscow, Prometej Publ., 1995. 131 p.
15. Kovalevskij M.M. *Modern custom and ancient law. Ossetian customary law in historical and comparative terms*. Vladikavkaz, Alaniya Publ., 1995. Vol. 2. 410 p.
16. Tumurova A.T. Socio-anthropological conclusions of the study of the genesis of the blood revenge institute. In Salygin E.N., Markuncov S.A., Radnaev Eh.L. (eds.). *Sociology of criminal law: problems and development trends. Materials of the I International Scientific Conference, Ulan-Udeh, September 21–22, 2012*. Moscow, 2013, pp. 123–134. (In Russian). EDN: YMPPMB.

17. Duguit L. *Le Droit Social, le Droit Individuel et la Transformation de L'état*. Harvard University, 1908. 174 p. (Russ. ed.: Dugi L. *Social Law, Individual Law and the Transformation of the State*. 2nd ed. Moscow, 2015. 152 p.).
18. Gins G.K. *Modern capitalism and the coming era (philosophy of solidarism). Portrait of solidarism. Ideas and people*. Moscow, Posev Publ., 2007. pp. 101–117.
19. Kovalevskij M.M. *Works*. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 1997. Vol. 1. 287 p.
20. Tumurova A.T., Iltakova N.V. Customary law in research by M. M. Kovalevsky. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2024, no. 1. (In Russian).
21. Cornelii Taciti *Annalium ab excessu divi Augusti libri = The Annals of Tacitus*. Oxford, Clarendon Press, 1868. Vol. 1. 714 p. (Russ. ed.: Cornelii Taciti *Works*. Moscow, Ladomir Publ., 1993. Vol. 1. 443 p.).
22. Tokarev S.A. *Monument of customary law of the 17th century Buryats. Historical archive*. Moscow; Leningrad, 1939, vol. 2, pp. 39–50.
23. Grafskij V.G. Blood feud. In Osipov Yu.S., Kravec S.L. (eds.). *Great Russian Encyclopedia*. Moscow, 2010. URL: <https://bigenc.ru/c/krovnaia-mest-952b0f>.
24. Tagancev N.S. *Russian criminal law*. Saint Petersburg, 1902. Vol. 1. 419 p.
25. Tagancev N.S. *Death penalty*. Saint Petersburg, 1913. 177 p.
26. Gusakov A. *Torts and treaties as sources of obligations in the civil law system of ancient Rome. Historical and legal research*. Moscow, 1896. 234 p.
27. Vladimircov B.Ya. *Mongol social system. Nomadic feudalism*. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1934. 223 p.
28. Tumurova A.T. *Customary Buryat law: Selenga Code of 1775*. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2005. 115 p.
29. Tumurova A.T. *Genesis of Customary Law Buryats*. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2006. 221 p.
30. Pokrovskij I.A. *History of Roman law. Criminal Law and Criminal Court*. Moscow, Statut Publ., 1999. 538 p.
31. Berman H. *Law and Revolution : the Formation of the Western Legal Tradition*. Cambridge, Harvard University Press, 1983. 680 p. (Russ. ed.: Berman H. *Western Tradition of Law: Era of formation*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1998. 622 p.).
32. Foucault Michel *Surveiller Et Punir Naissance De La Prison*. Gallimard, 1975. 300 p. (Russ. ed.: Foucault Michel *Punish and supervise. The Birth of Prison*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2019. 416 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Тимофеевна Тумурова — доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Института правовых исследований. Байкальский государственный университет. 664000, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11; SPIN-код: 9481-3652.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna T. Tumurova — Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of Legal Research. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664000, SPIN-Code: 9481-3652.

Поступила в редакцию / Received 14.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 30.05.2024

Принята к публикации / Accepted 27.06.2024